

Научная специальность
12.00.09 «Уголовный процесс»

УДК 343.1

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.3.77>

СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ В УГОЛОВНОМ, ГРАЖДАНСКОМ, АРБИТРАЖНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© Шарипова А. Р., 2021

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

Сравнивается нормативное закрепление института свидетельского иммунитета в четырех процессуальных отраслях права: уголовно-процессуальном, гражданском процессуальном, арбитражном процессуальном и административном процессуальном. Определяется универсальная сущность данного института для всех рассматриваемых видов судопроизводства и предлагается необходимость единой регламентации. Обосновывается существование нравственно-этической основы для освобождения от свидетельствования. Устанавливаются взаимосвязь между развитостью данного института и развитостью отрасли процессуального права в целом, влияние института на правосознание граждан. Сравнительный анализ отраслевого регулирования позволяет обнаружить ряд отличий, не обоснованных отраслевыми особенностями. К ним отнесены различный перечень близких лиц, в отношении которых действует семейно-родственный свидетельский иммунитет. Приводится обоснование целесообразности расширения круга близких лиц, обладающих свидетельским иммунитетом в силу квазисемейных и квазиродственных отношений. В качестве недостатка уголовно-процессуального свидетельского иммунитета названо отсутствие среди его носителей арбитражных заседателей, представителей, оказывающих юридическую помощь и не имеющих адвокатского статуса, уполномоченных по правам ребенка и уполномоченных по защите прав предпринимателей, медиаторов и судебных примирителей. На основе сопоставления с другими процессуальными отраслями аргументируется необходимость дополнения перечня обладателей «служебного» свидетельского иммунитета в уголовном судопроизводстве. Констатируется наличие норм, регулирующих отношения, связанные с освобождением от свидетельствования, и в иных источниках, помимо процессуальных кодексов. Делается вывод о необходимости широкомасштабного сравнения и обобщения правовой информации, связанной со свидетельскими иммунитетами, в целях выработки единого для всех отраслей их нормативного закрепления.

Ключевые слова: уголовный процесс, арбитражный процесс, гражданский процесс, административный процесс, судебное право, свидетельский иммунитет, свидетельствование.

Свидетельский иммунитет – не часто применяемый институт в арбитражном, гражданском и административном процессах, в сравнении с процессом уголовным. Редкость возникновения потребности в его использовании пропорциональна невеликой роли свидетельских показаний в системе доказательств в этих видах судопроизводства в целом. Но и для уголовного процесса освобождение от свидетельствования – исключение, а не правило. Важность этого института видится в том, что он является маркером прогрессивности судопроизводства в целом. История его развития, вероятно, началась с процессуальной льготы для священнослужителей, оберегавшей тайну исповеди и подчеркивавшей мощную роль религии в общественной жизни. Супружеский и родственник иммунитет появился позднее и отражал развивающиеся в уголовном

процессе тенденции его гуманизации. Свидетельский иммунитет выражает волю государства избавить человека от тяжелого выбора между его ценностями (семьей, родом, профессией, совестью) и процессуальным долгом давать правдивые показания. Пройти через этот выбор без потерь невозможно: правосознание свидетеля пострадает в любом случае. Если он предпочтет дать правдивые показания против человека, благополучию которого он хочет и должен способствовать в силу личных отношений или доверия тайны, такой выбор унижит его достоинство как члена семьи или профессионала, обратит против государства, заставившего предать свои ценности. Если свидетель будет действовать в соответствии со своим желанием защищать то, что ему дорого или вверено, и даст ложные показания, то будет считаться, что это государство вынудило его лгать.

В современный период расширение перечня носителей свидетельского иммунитета отражает не только уважение прав человека в уголовном процессе, но и показывает более высокую, чем прежде, способность государства расследовать преступления и рассматривать дела о них. Пропорционально мере, в которой технические и интеллектуальные возможности правоохранительных и судебных органов расширились за счет новых технологий, государство может ослабить свое давление на свидетелей, поскольку они перестают быть главным или единственным средством получения информации. Какой бы странной и далекой ни казалась ученым-криминалистам аналогия между уголовным и арбитражным процессом, но в последнем суду удастся «устанавливать истину» практически без помощи свидетельских показаний [10], а значит, это возможно в принципе в любом судопроизводстве в той или иной степени.

Примечательно, что при высочайшей научной разработанности темы освобождения от свидетельствования в уголовном процессе, при придании свидетельским иммунитетам огромной важности в литературе, оценке их на уровне принципов уголовного процесса, прослеживании истории модификации института с дореволюционных времен [2], при наличии работ о зарубежных вариантах иммунитетов и их детального юридического перевода на язык нашего права [6, с. 90] сопоставление регламентации этого очевидно универсального явления в разных отраслях встречается редко. Исключением является упоминание отдельных критериев сравнения свидетельствования в арбитражном и гражданском процессах [8], которые в целом подвергаются совместному рассмотрению чаще остальных. Что касается соответствующего института уголовно-процессуального права, относительно подробно он сравнивается с отраслевыми аналогами в небольшой статье А. А. Петуховского, написанной почти 20 лет назад [5]. Материалы, посвященные перспективам совершенствования данного уголовно-процессуального института, даже не упоминают в числе приоритетов его унификацию с его отраслевыми аналогами [11].

Сравнительный анализ нормативного закрепления свидетельских иммунитетов в четырех процессуальных отраслях должен определить, есть ли в уголовном процессе какое-то особое «свидетельствование» или этот универсальный процессуальный институт, как и прочие, обременен необоснованными отличиями.

На первый взгляд, законодательное оформление свидетельских иммунитетов схоже в уголовном, гражданском, административном и

арбитражном процессах. Выделяемые наукой виды с точки зрения разных классификаций (по характеру предоставляемого права, по объему показаний, по целям, которые определяют объект гарантирования [3]) прослеживаются во всех четырех процессуальных отраслях. Так, процессуальные законы закрепляют за соответствующими носителями абсолютный иммунитет, выраженный в формуле «не подлежит допросу» (ч. 3 ст. 56 УПК¹, ч. 3 ст. 69 ГПК², ч. 5, 5.1, 5.2 ст. 56 АПК³, ч. 3 ст. 51 КАС⁴); и относительный иммунитет, обозначенный словосочетаниями «вправе отказаться свидетельствовать» (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК), «вправе отказаться от дачи свидетельских показаний» (ч. 4 ст. 69 ГПК, п. 1 ч. 10 ст. 51 КАС), «никто не обязан свидетельствовать против» (ч. 6 ст. 56 АПК). Льгота от самообвинения – самый распространенный в практике вид иммунитета – во всех процессуальных отраслях закреплена однотипно.

Межотраслевые различия касаются конкретных перечней носителей иммунитета, а также нормативных источников его закрепления.

Так, в уголовном процессе круг лиц, имеющих иммунитет, основанный на семейных отношениях, включает супруга, супругу, родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и родных сестер, дедушку, бабушку, внуков. Более широкий круг определен в КАС, он включает: полнородных и неполнородных (имеющих общих отца и (или) мать) братьев, сестер, опекуна и попечителя. ГПК содержит список, в целом совпадающий с уголовно-процессуальным, однако «братья» и «сестры» указаны в нем без всякого определения степени родства. Еще одно отличие ГПК и КАС в сравнении с УПК в том, что в них не просто перечислены носители иммунитета, а с указанием на тех, «против» кого они не обязаны свидетельствовать («супруг против супруга, дети против родителей»). АПК прямо указывает только на супруга, а перечень близких родственников определяется ссылкой к федеральному закону. Этим федеральным законом является СК РФ⁵, признающий близкими родственниками родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родителей и де-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁵ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

тей, дедушку, бабушку и внуков), полнородных и неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев и сестер (ст. 14).

Регламентация родственного иммунитета во всех процессуальных отраслях не безупречна. Представляется, что предотвратить возникновение редакционных, а вслед за ними и существенных различий оптимально через дачу отсылки (подобно АПК) во всех соответствующих нормах к единому перечню близких родственников, который должен быть предусмотрен в Семейном кодексе РФ. Такая регламентация в большей степени соответствовала бы и разделению предметов отраслевого регулирования, ведь, строго говоря, решать, кто является близким родственником, а кто нет – не дело уголовного процесса.

Гораздо большей проблемой свидетельского иммунитета является его замкнутость на родственных, т. е. «кровных», и супружеских связях. В современном мире множество вариантов близких отношений, не определяемых этими признаками. К ним можно отнести: фактическое сожительство (о котором как возможном основании свидетельского иммунитета в литературе больше всего упоминаний), бывшее, расторгнутое супружество, опеку и попечительство, отношения «сводных» братьев и сестер (детей разных родителей, в какой-то период состоящих в браке), отношения детей одного из супругов со вторым супругом, не являющимся его родителем или усыновителем («отчимом» и «мачехой»), отношения усыновленных детей между собой, если они не являются родными братьями, сестрами. Последнюю группу отношений можно было бы и не выделять, поскольку усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению (ч. 1 ст. 137 СК). Вообще понятия «усыновителей» и «усыновленных» нужны только для процедуры усыновления, регулируемой СК, а не УПК, поскольку с момента усыновления первые становятся родителями, а вторые – детьми. Неясно, как с учетом охраняемой законом тайны усыновления (ст. 139 СК) субъекты процессуальной деятельности узнают в родителях или детях усыновителей или усыновленных. Но раз уж УПК отделил «кровных» от «усыновленных», то следовало делать это не только в отношении детей и родителей, но и всех остальных родственников, у которых с усыновленным образуется «родственная» связь в результате усыновления.

Из всех перечисленных вариантов неродственных ролей в близких отношениях только опекун и попечитель восприняты процессуальным законом в качестве свидетельского иммунитета – они включены в соответствующий перечень Кодексом административного судопроизводства. При этом подопечный по какой-то причине в этом перечне не назван, привилегия несвидетельствования установлена односторонне.

Полагаем, что ограничение носителей «супружеско-родственного» свидетельского иммунитета (имеем в виду не только собственно супружеский и родственный, но и любой, связанный с личными близкими отношениями) хоть и необходимо, но не так непримиримо, как принято в действующем УПК. Аргументы против «уравнивания» в правах фактических (в обиходе – «гражданских») супругов, которых в уголовно-процессуальной практике принято называть сожителями, приводятся всеми отраслями юридической науки, эта проблема не является ни чисто уголовно-процессуальной, ни тем более замкнутой на свидетельском иммунитете. Но специфика свидетельского «семейного» иммунитета в том, что он позволяет молчать тому, кто, скорее всего, будет лгать, если заставить его говорить. У уголовного процесса нет выбора «получить правдивые показания» от гражданского супруга против его супруги или «разрешить ему молчать». Этот выбор чаще выглядит иначе: «разрешить молчать» или «получить ложные показания». Дело в том, что данный вид иммунитета не запрещает допрашивать свидетелей в принципе, а лишь разрешает им отказаться свидетельствовать. Если близкий обвиняемому человек желает давать показания, иммунитет не помешает их получить, и в конечном итоге подобный «заинтересованный» свидетель принимает решение, говорить ли правду, независимо от норм УПК. Уголовно-процессуальному закону остается либо зафиксировать реальное положение вещей, предоставив «неформальным» членам семей право воспользоваться привилегией молчания, либо игнорировать действительность. Конечно, существует еще угроза привлечения к уголовной ответственности для лжесвидетелей, которая нависает над лицами, не названными в числе носителей иммунитета, но желающими им пользоваться. Однако многолетняя статистика показывает очень низкое число выявленных, расследованных и рассмотренных судами подобных преступлений, поэтому преувеличивать степень влияния этой угрозы на поведение свидетеля не стоит. Как один из возможных вариантов расширения круга обладателей «семейного» свидетельского им-

мунитета можно рассматривать предложения, высказанные в тематических кандидатских диссертациях С. Ю. Никитина и С. П. Федякина, – предоставить суду, прокурору, следователю, дознавателю право признать близким родственником иное лицо, не указанное в п. 4 ст. 5 УПК [3, с. 8], либо дополнительно закрепить понятие «близких лиц» [7, с. 10]. Последнее в УПК сделано в п. 3 ст. 5, однако к нормативно-правовой регламентации собственно свидетельского иммунитета это легальное определение «близких лиц» отношения не имеет.

Второй вид свидетельского иммунитета более разнородный и обусловлен выполнением разного рода профессиональных обязанностей, сопряженных с охраняемыми законом тайнами.

Так, УПК запрещает допрос в качестве свидетелей судьи, присяжного заседателя – об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу (п. 4 ч. 3 ст. 56). Данная формулировка вызывает нарекания у ученых сразу по нескольким причинам: 1) о каких обстоятельствах производства по делу в суде нужно молчать, если в целом это производство гласное; 2) почему носителями иммунитета являются только судьи и присяжные заседатели по уголовным делам? Справедливо более предпочтительным называется перечень обладателей этой разновидности иммунитета в редакции ГПК [5]: судьи, присяжные или арбитражные заседатели – о вопросах, возникавших в совещательной комнате в связи с обсуждением обстоятельств дела при вынесении решения суда или приговора. Этот вариант более конкретный, чем данный в АПК («судьи и иные лица, участвующие в осуществлении правосудия»), и более широкий по видам судопроизводства, тайна совещания из которого охраняется, чем данный в УПК и КАС («...в связи с обсуждением обстоятельств административного дела»). Но и редакция ГПК несовершенна, поскольку подразумевает лишь тайну совещания при вынесении окончательных судебных актов – решения и приговора; следовало бы указать на «судебные акты» в целом. Если в УПК подразумевается запрет разглашения коммерческой, налоговой, государственной и другой тайны, которая стала доступна судье и присяжному заседателю в ходе производства по делу, то режим раскрытия этих сведений необходимо закрепить дополнительно.

Носители следующей разновидности профессионального иммунитета в уголовном процессе – адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого в уголовном деле и адвокат безотносительно какого-либо судопроизводства (п. 2, 3 ч. 3 ст. 56). Известно, что юридическую

помощь оказывают не только адвокаты, поэтому такое узкое толкование адвокатской тайны, какое реализовано в УПК, нарушает права доверителей, которые поручили свои юридические дела представителям без статуса адвоката, что никак не запрещено, а также ставит под удар стажеров, помощников адвоката и других юристов [9]. Известно, что уголовно-процессуальное понимание защиты, т. е. квалифицированной юридической помощи лицу, подвергающемуся уголовному преследованию, привязано к адвокатскому статусу защитника и прямым указанием закона (ч. 2 ст. 49 УПК), и позициями Конституционного и Верховного Судов России. Однако, во-первых, в УПК предусмотрены исключения из этого правила, а во-вторых, квалифицированная юридическая помощь оказывается и другим участникам, в отношении которых (кроме свидетеля) никаких оговорок об адвокатском статусе юриста в законе не содержится. АПК, ГПК и КАС не замыкают этот случай иммунитета на адвокатах, указывая на «представителей» как его обладателей. Разными по технике, но допустимыми являются варианты нормативного закрепления иммунитета в АПК («представители по гражданскому и иному делу») и КАС («представители и защитники по уголовному делу, по делу об административном правонарушении, представители по гражданскому делу, по административному делу»). Норма ГПК имеет пробел, упоминая применительно к уголовному делу только «защитника».

Основание установления следующей разновидности уголовно-процессуального иммунитета от свидетельствования – для члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы – не вполне ясно. И. С. Дикарев, например, полагает, что «их освобождение от обязанности давать свидетельские показания обусловлено тем, что эти субъекты по роду деятельности могут получать от граждан доверительную информацию», и считает необходимым наделить иммунитетом не только федеральных, но и региональных парламентариев [1]. Но если закон охраняет интересы граждан, доверившихся народным избранникам, то почему допрашивать их нельзя только «без их согласия»? Другое основание рассматриваемого иммунитета – невозможность вовлечения его носителей в уголовный процесс даже в качестве свидетелей как дополнительная гарантия в их особом правовом статусе. Возможно, законодатель считает уголовное судопроизводство настолько «опасным», что не допускает представителей законодательной власти к нему. Косвенно это подтверждается тем, что в менее «опасном» арбитражном судопроизводстве иммунитета для них нет. Но опровергается

установлением запрета на допрос в ГПК и КАС, причем для более широкого круга депутатов, не только федерального уровня. Если установление этого иммунитета для слуг народа необходимо для обеспечения их неприкосновенности, то почему запрет на допрос распространяется только на обстоятельства, которые стали им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий, неясно. В любом случае, с точки зрения законодательной техники, абсолютный иммунитет, выраженный в словах «не подлежат допросу», защищает не столько его носителя, сколько тайну, которой он обладает, поэтому исключения «без его согласия» не предполагает. Относительный иммунитет, оберегающий в большей степени личность его обладателя, в УПК обозначается словами «вправе отказаться от дачи показаний». Именно в перечне обладателей относительного иммунитета, наряду с близкими родственниками, упоминаются депутаты в КАС и ГПК.

Специфическим для УПК, не имеющим отраслевых аналогов, является иммунитет для должностного лица налогового органа – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с предоставленными сведениями, содержащимися в специальной декларации, представленной в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, и (или) прилагаемых к ней документах и (или) сведениях. Соответствующая норма введена в 2015 г. в связи с налоговой амнистией и кажется логичным, чтобы эту амнистию сделать реальной, оградив налогоплательщиков от преследования на основании изобличающей их налоговой информации. Однако только УПК был дополнен в 2015 г. соответствующей новеллой, хотя налоговая информация может прямо касаться рассмотрения дел в арбитражном и гражданском судопроизводстве, а косвенно затрагивать и административное. Полагаем, что в данном случае установление иммунитета для налоговых инспекторов полностью отражает странную специфику уголовного процесса, в котором свидетельскими показаниями принято подтверждать какие угодно факты. В арбитражном деле суд не прибегает к допросу налогового инспектора, если есть возможность истребовать налоговую декларацию и прилагаемые к ней документы, в которых налогоплательщик и сообщает ту самую «секретную» информацию.

¹ О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Новыми обладателями уголовно-процессуального свидетельского иммунитета являются федеральный и региональные уполномоченные по правам человека в отношении обстоятельств, ставших им известными в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей. Нужно признать обоснованным отказ от допроса этих лиц, поскольку к ним обращаются за помощью, близкой к юридической, и для ее получения доверяют ту же информацию, что составляет предмет адвокатской тайны. Однако иные процессуальные законы предоставили иммунитет не только названным лицам, но и уполномоченным по правам ребенка (п. 7 ч. 11 ст. 51 КАС, п. 5.1 ч. 4 ст. 69 ГПК), и уполномоченным по защите прав предпринимателей (п. 6 ч. 4 ст. 69 ГПК). Совершенно не ясно, почему они не обеспечены соответствующим иммунитетом в уголовном процессе, как не ясны и в целом причины каких бы то ни было отраслевых различий в этой части нормативно-правовой регламентации.

Давно обсуждаемым в науке обладателем иммунитета является священнослужитель – в отношении обстоятельств, ставших ему известными из исповеди. ГПК и КАС дополняют эту формулировку принадлежностью священнослужителя к религиозным организациям, прошедшим государственную регистрацию. Уточнение не лишнее, поскольку статус священнослужителя в целом не формален и отследить наделение этим статусом не всегда возможно, когда речь идет не о крупных и централизованных религиозных организациях, а о малоизвестных «сектах» и нетрадиционных религиозных течениях. С другой стороны, существует достаточно аргументированная точка зрения, что «тайна исповеди» настолько неформализуемое понятие с учетом разницы конфессий, статуса священника в них и его духовного наставничества, что нормативное регулирование ее может быть лишь самым общим [4].

УПК не воспринял новеллы законодательства, связанные с развитием медиации и судебного примирения, в связи с которыми круг носителей свидетельского иммунитета в ГПК, АПК и КАС расширился за счет посредников, в том числе медиаторов, и судебных примирителей (ч. 5.1 ст. 56 АПК, п. 1 ч. 3 ст. 69 ГПК, п. 1.1 ч. 3 ст. 51 КАС). Похоже, что разработчики законопроектов сочли, что последствия медиации и судебного примирения – институтов арбитражного, гражданского и административного, но не уголовного судопроизводства – не могут выйти за пределы своих отраслей. Однако даже если «уголовно-процессуальных» судебных примирителей и нет, охранять от разглашения сведения,

полученные «гражданскими процессуальными» примирителями, нужно и в уголовных делах.

Возможности обогащения знаний и перспективы совершенствования института свидетельского иммунитета в уголовном процессе не исчерпываются сравнительным анализом его только с арбитражным, гражданским и административным процессуальным правом. Нормы об освобождении от свидетельствования содержатся и в других отраслях права: например Налоговый кодекс РФ¹ содержит открытый перечень лиц, не подлежащих допросу, в связи с обладанием профессиональной тайной – «в частности, адвокат, аудитор» (п. 2 ч. 2 ст. 90).

Полагаем, что обобщение всего законодательного массива норм, регулирующих свидетельские иммунитеты во всех отраслях, позволило бы сформировать единый для них и внутренне непротиворечивый перечень их обладателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дикарев И. С. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Журнал российского права. 2012. № 3. С. 76–81.
2. Литвинцева Н. Ю. Свидетельский иммунитет по Уставу уголовного судопроизводства // Глаголь Правосудия. 2014. № 2. С. 25–28.
3. Никитин С. Ю. Свидетельский иммунитет в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2005. 27 с.
4. Павлушков А. Р. Тайна исповеди и свидетельский иммунитет священнослужителя как отражение законодательного и общественного противоречия // *Ius Publicum et Privatum*. 2019. № 1. С. 56–60.
5. Петуховский А. А. Свидетельский иммунитет: проблемы развития процессуального института // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 49–50.
6. Тарасов А. А. Уголовно-процессуальная компаративистика и проблема точности перевода юридических терминов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 12. С. 87–91.
7. Федякин К. П. Теоретические и практические проблемы свидетельского иммунитета в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2007. 25 с.
8. Фокина М. А. Совершенствование правового регулирования доказывания по гражданским делам: вопросы унификации // Современное право. 2015. № 9. С. 101–111.
9. Фурлет С. П. О законодательных мерах сохранения адвокатской тайны в российском уголовном процессе // Адвокат. 2016. № 3. С. 39–45.
10. Шарипова А. Р. Доказывание в уголовном и арбитражном процессах: невынужденные различия // Библиотека криминалиста. 2015. № 4. С. 180–185.
11. Шигурова Е. И. Направления совершенствования института свидетельского иммунитета в российском уголовном процессе // Мир науки и образования. 2017. № 1. С. 12.

REFERENCES

1. Dikarev I.S. Svidetel'skij immunitet v ugovnom processe [Witness immunity in criminal proceedings]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian law], 2012, vol. 3, pp. 76–81. (in Russian)
2. Litvintseva N.Yu. Svidetel'skij immunitet po Ustavu ugovnogo sudoproizvodstva [Evidence immunity under the Charter of Criminal Procedure]. *Glagol' Pravosudiya* [Glagol Justice], 2014, vol. 2, pp. 25–28. (in Russian)
3. Nikitin S.Yu. *Svidetel'skij immunitet v rossijskom ugovnom processe* [Testimony of Immunity in Russian Criminal Procedure]. Cand. sci. diss. abstr. Chelyabinsk, 2005, 27 p. (in Russian)

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

4. Pavlushkov A.R. Tajna ispovedi i svidetel'skij immunitet svyashchen-nosluzhiteleya kak otrazhenie zakonodatel'nogo i obshchestvennogo protivorechiya [Secret of confession and witness immunity of a clergyman as a reflection of legislative and social contradiction]. *Ius Publicum et Privatum* [Ius Publicum et Privatum], 2019, vol. 1, pp. 56–60. (in Russian)

5. Petukhovskiy A.A. Svidetel'skij immunitet: problemy razvitiya processual'nogo instituta [Witness immunity: problems of the development of a procedural institution]. *Rossiyskaya yusticiya* [Russian justice], 2003, vol. 9, pp. 49–50. (in Russian)

6. Tarasov A.A. Ugolovno-processual'naya komparativistika i problema tochnosti perevoda yuridicheskikh terminov [Criminal procedural comparative studies and the problem of the accuracy of translation of legal terms]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2016, vol. 12, pp. 87–91. (in Russian)

7. Fedyakin K.P. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy svidetel'skogo immuniteta v ugovnom processe* [Theoretical and practical problems of witness immunity in criminal proceedings]. Cand. sci. diss. abstr. Saratov, 2007, 25 p. (in Russian)

8. Fokina M.A. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya dokazyvaniya po grazhdanskim delam: voprosy unifikatsii [Improving the legal regulation of proof in civil cases: issues of unification]. *Sovremennoe pravo* [Modern law], 2015, vol. 9, pp. 101–111. (in Russian)

9. Furlet S.P. O zakonodatel'nyh merah sohraneniya advokatskoj tajny v rossijskom ugovnom processe [On Legislative Measures to Preserve Advocate Secrecy in the Russian Criminal Procedure]. *Advokat* [Advocate], 2016, vol. 3, pp. 39–45. (in Russian)

10. Sharipova A.R. Dokazyvanie v ugovnom i arbitrazhnom processe: nevyuzhdennyye razlichiya [Proofing in criminal and arbitration processes: unforced differences]. *Biblioteka kriminalista* [Criminalist Library], 2015 vol. 4, pp. 180–185. (in Russian)

11. Shigurova E.I. Napravleniya sovershenstvovaniya instituta svidetel'skogo immuniteta v rossijskom ugovnom processe [Directions for improving the institution of witness immunity in the Russian criminal process]. *Mir nauki i obrazovaniya* [World of Science and Education], 2017, vol. 1, p. 12. (in Russian)

Certificate Immunity in Criminal, Civil, Arbitration and Administrative Proceedings: a Comparative Analysis

© Sharipova A. R., 2021

The author compares the normative consolidation of the institution of witness immunity in four procedural branches of law: criminal procedural, civil procedural, arbitration procedural and administrative procedural. The universal essence of this institution is determined for all types of legal proceedings under consideration and the need for a single regulation is assumed. The existence of a moral and ethical basis for exemption from witnessing is substantiated. The relationship is established between the development of this institution and the development of the branch of procedural law as a whole, the influence of the institution on the legal consciousness of citizens. Comparative analysis of industry regulation reveals a number of differences that are unjustified by industry specifics. These include a different list of close persons who are subject to family-related witness immunity. The rationale is given for the expediency of expanding the circle of close persons with witness immunity due to quasi-family and quasi-kinship relations. The disadvantage of criminal procedural witness immunity is the absence among its carriers of arbitration assessors, representatives who provide legal assistance and do not have a lawyer status, Commissioners for the Rights of the Child and Commissioners for the Protection of Entrepreneurs, mediators and judicial conciliators. The author argues on the basis of comparison with other procedural branches of the need to supplement the list of holders of «official» witness immunity in criminal proceedings. The existence of norms governing relations related to exemption from witnessing is stated in sources other than procedural codes. The conclusion is made about the need for a large-scale comparison and generalization of legal information related to witness immunities in order to develop a uniform normative consolidation for all industries.

Keywords: criminal procedure, arbitration process, civil procedure, administrative process, judicial law, witness immunity, testimony.